

УДК 316.4

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.4

EDN: CRUYYN

Научная статья

ТЕНДЕНЦИИ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ФЕНОМЕНА РАДИКАЛИЗАЦИИ: НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Анна Юрьевна Карпова¹

Алексей Олегович Савельев²

^{1, 2} Национальный исследовательский
Томский политехнический университет,

Томск, Россия,

¹ belts@tpu.ru,

ORCID 0000-0001-7854-1438

² sava@tpu.ru,

ORCID 0000-0002-7466-6142

Для цитирования: Карпова А. Ю., Савельев А. О. Тенденции динамики развития исследований феномена радикализации: наукометрический анализ // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 3. С. 76–107. DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.4. EDN CRUYYN.

Аннотация. Актуальность выбора объекта анализа связана с тем, что попытки объяснить «кто, как и почему приходит к терроризму» в начале XXI века привели к возникновению исследовательской гипотезы о том, что предиктором терроризма является радикализация. С этого момента началось формирование направления исследований феномена радикализации в зарубежной науке, динамичное развитие которого сложилось в междисциплинарную исследовательскую область во втором десятилетии XXI века. В статье представлены результаты наукометрического анализа современного состояния исследований радикализации в российском и зарубежном научно-исследовательском поле, обозначены тенденции и направления, очерчены возможности и ограничения его развития в России. Выбор 2014–2023 гг. в качестве временного периода для анализа определяется как научной продуктивностью исследований радикализации в зарубежной науке в те годы, так и тем, что в России исследования радикализации появились только в этот период. По результатам количественного и качественного анализа российских и зарубежных публикаций в статье обозначены специфические характеристики современного состояния исследовательской области. Ключевой вывод заключается в том, что в изучении радикализации российские исследователи отстают как минимум на десятилетие от зарубежных, также были обозначены причины отставания и возможности развития научного направления в отечественной науке.

Ключевые слова: научное направление, радикализация, экстремизм, терроризм, молодёжь, медиа, интернет, социальные сети, наукометрический анализ, интеллектуальный анализ данных

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках госзадания «Наука», проект FSWW-2024-0023.

Введение

Радикализацию как социальный феномен учёные начали изучать сравнительно недавно, исследования актуализировались в начале этого столетия. Всплеск интереса к радикализации возник после 11 сентября 2001 г. Террористические акты 9/11 вызвали академический ажиотаж — волну научных публикаций с поиском ответов на ключевой вопрос «кто, как и почему приходит к терроризму?». Именно в это время в академических исследованиях терроризма возникает гипотеза о радикализации как предикторе терроризма. Радикализацию рассматривают как процесс, в ходе которого человек вовлекается в политическое насилие и терроризм, который становится конечной точкой в этом процессе. Первоначально понятие радикализации использовалось как «политическая конструкция в антитеррористической политике ЕС, поскольку зародилась в полицейских и разведывательных кругах после терактов 11 сентября и отражена во внутренних антитеррористических документах ЕС» [1, с. 5]. В научных исследованиях терроризма изучение радикализации с этого момента и по настоящее время займёт центральное место, прочно закрепившись «в сердце» глобальной борьбы с терроризмом. Дискуссии о радикализации в академическом сообществе продолжались всё первое десятилетие. Одни учёные видели радикализацию как чисто умозрительную, ускользающую от понимания смысла конструкцию, не имеющую перспективы. Некоторые учёные считали радикализацию мифом — искусственно сконструированным объяснением реальности. Другие считали радикализацию «Святым Граалем в борьбе с терроризмом» [1, с. 3] и прогнозировали значительное расширение горизонта возможностей в понимании того, кто, как и почему приходит к терроризму. Только к концу второго десятилетия нашего века вопрос о существовании радикализации как самостоятельного феномена был снят с повестки, существенное значение приобрела проблема теоретико-методологической проработки радикализации в более широком контексте, не ограничиваясь изучением только насильственного экстремизма и терроризма. Это было связано с тем, что к тому времени в научно-исследовательском сообществе сложилось два противоположных подхода: релятивистский (отрицающий идею о том, что радикализация вызывает терроризм) и контекстуальный, или метаподход (радикализацию необходимо изучать в широком контексте насильственных случаев, не ограничиваясь только изучением насильственного экстремизма и терроризма) [2–4].

Во втором десятилетии XXI века в изучении радикализации выделилось отдельное направление — исследования онлайн-радикализации. В онлайн-среде процесс радикализации приобретает такие черты, как стремительность, всеохватность, вездесущность, а использование социальных медиа для распространения, продвижения идеологии терроризма и насильственного экстремизма среди пользователей резко возросло. Сложность исследования онлайн-радикализации заключается в том, что изучение процесса в цифровой среде возможно только в междисциплинарном взаимодействии специалистов в предметной области исследований, специалистов Data Science и специалистов, создающих программный продукт под конкретные исследовательские задачи. Фактически к концу второго десятилетия появились междисциплинарные исследования, в которых стали применяться методологии различных дисциплин, позволяющие автоматизировать наиболее трудоёмкие процессы сбора, анализа и обработки данных.

На протяжении всего периода изучения феномена радикализации (с начала XXI века) учёные ищут ответы на два исследовательских вопроса: 1) кто восприимчив к принятию насильственных убеждений как способа достижения цели и 2) как протекает процесс радикализации? Авторы полагают, что в данном контексте существенное значение имеют три проблемы: социальная, управленческая и научная. Социальная проблема заключается в том, что терроризм как глобальная проблема безопасности имеет негативные экономические, политические, социальные последствия, вызывает индивидуальные психологические травмы и моральную панику в обществе. Но решить проблему терроризма за почти 150 лет её изучения не удалось. Это связано как с теоретико-методологическими трудностями изучения терроризма, так и с несоответствием между результатами исследований и управленческими решениями в области выявления, предупреждения, противодействия терроризму. Решение управленческих проблем в области противодействия терроризму и его профилактики, по мнению экспертов, имеет два уровня: стратегический и тактический. В каждом из них для выработки и принятия эффективных управленческих решений критически важно своевременное выявление и диагностирование угрозы терроризма. Радикализация рассматривается исследователями, заложившими фундамент концепции радикализации, как предиктор терроризма, следовательно, предупреждение террористических инцидентов связано с эффективной диагностикой и прогнозированием этапов процесса, в котором конечной точкой становится терроризм. Разделяя эту точку зрения, считаем, что ключевой научной проблемой в области исследования радикализации является получение новых знаний о механизмах радикализации. Решение научной проблемы неразрывно связано с задачей опе-

рационализации понятия «радикализация», и комплексом теоретических и методологических задач.

Проблемой, вклад в разрешение которой вносит исследование авторов данной статьи, является то, что российские исследователи мало знакомы с самой концепцией радикализации, тенденциями и направлениями изучения этого феномена. Зарубежные коллеги активно применяют наукометрический анализ к изучению динамики развития научных направлений, в частности, к исследованиям радикализации для прогнозирования тенденций в данной области. Цель статьи — наукометрический анализ современного состояния исследований радикализации в российском и зарубежном научно-исследовательском поле, выявление тенденций и динамики развития исследований радикализации, возможностей и ограничений развития научного направления в России.

Подходы к изучению проблематики радикализации

Общепринятого определения радикализации пока не сложилось, сам процесс радикализации не укладывается в рамки изучения какой-либо одной академической области и не имеет конвенциональной теории или концепции [5]. Множество монокаузальных объяснений радикализации, неопределённость и даже двусмысленность в определениях на начальном этапе изучения позволяют нам условно разделить исследователей первого десятилетия XXI века на три «лагеря»: 1) одни понимают под радикализацией процесс, в ходе которого субъект становится предрасположенным к применению идейно-мотивированного насилия (терроризм, насильственный экстремизм); 2) другие рассматривают радикализацию как процесс, в ходе которого субъект принимает радикальную или экстремистскую идеологию (насильственные и ненасильственные формы экстремизма); 3) третьи считают, что радикализацию надо рассматривать как двухуровневый предиктор: на одном уровне под воздействием комплекса факторов конечной точкой процесса является терроризм, на другом уровне конечной точкой не являются насильственные действия, процесс завершается ненасильственным выражением мнений и ненасильственными действиями.

В качестве примеров этих позиций приведём варианты определений понятия радикализации: «процесс вовлечения в терроризм или участия в экстремистских действиях» [6], «процесс формирования экстремальных убеждений или совершения экстремальных действий» [7], «процесс эскалации от ненасильственных мнений к насильственным действиям, в котором происходит трансформация в убеждениях, установках, и поведении в сторону экстремизма, требующего насилия и самопожертвования» [2],

«радикализация относится к экстремизму так же, как скорость связана с позицией, т. е. радикализация — это (положительное) изменение степени экстремизма, выраженного отдельным лицом или группой» [8], радикализация как процесс принятия экстремальных убеждений, в котором фокус «на террористическом поведении как конечной точке в процессе пути» [9], «активная радикализация — это процесс, в ходе которого отдельные люди или группы становятся идеологически приверженными насилию, т. е. начинают исповедовать систему убеждений, которая узаконивает или даже требует насильственных действий против оппонента» [10]. Алекс Шмид, признанный авторитетным учёным в изучении терроризма, подчёркивал «многослойность» понимания радикализации и акцентировал внимание на том, что и в определении терроризма существует многослойность, а для достижения консенсуса в академическом определении терроризма потребовалось более ста лет [11]. Академический консенсус и практика обращения исследователей в международных научных публикациях к определению терроризма Шмида и Джонгмана сложились после опубликования совместной статьи в 1988 году. Расширенная версия статьи была опубликована Шмидом в 2011 году, в ней терроризм определяется как «предумышленные, демонстративные, прямые насильственные действия без юридических или моральных ограничений, направленные главным образом против гражданских лиц и некомбатантов, совершаемые с целью пропагандистского и психологического воздействия на различные аудитории и стороны конфликта» [12, с. 86–87]. Следует отметить, что юридические определения терроризма различаются в разных странах, это связано со спецификой законодательства и правоприменительной практикой, в том числе существуют различия в определениях терроризма, закреплённые в международных правовых документах.

В многослойных определениях радикализации связующим является целостное понимание радикализации как процесса перехода от нерадикальных форм к радикальным. Причём рассматриваются различные варианты форм в качестве оснований нерадикального (ненасильственные формы выражения мнений, идей, поведения, действий) и радикального (радикальные идеи, мнения, насильственные формы поведения и действий). Существенным аспектом процесса перехода от нерадикальных форм к радикальным является принятие насилия как способа достижения цели, которая может быть политической, религиозной, идеологической и даже личной.

Концепция радикализации как предиктора терроризма не лишена проблем с точки зрения масштабов понимания самого процесса на микро-, мезо- и макроуровнях, соответственно, и понимания того, кто в этом процессе играет доминирующую роль: индивиды или группы. Некото-

рые учёные полагают, что пути к экстремизму или насилию настолько индивидуальны, что поиск причинных факторов радикализации если не контрпродуктивен, то, по крайней мере, не эффективен. Другие учёные утверждают, что люди вовлекаются в процесс радикализации благодаря социальным связям, дружбе и/или родственным связям.

Первопричина насильственной радикализации, приводящей к терроризму, является предметом дискуссий, мнения разделяются между двумя доминирующими теориями. Первая — теория «роя» (swarm theory, self-radicalization [13]), согласно которой радикализация людей происходит свободно в социальных сетях в результате саморадикализации, процесс организуется «сверху вниз». Вторая — теория «рыбаков» (fishermen theory [14–15]), согласно которой террористические сети приводят к насильственной радикализации и, как следствие, к терроризму, процесс организуется «снизу-вверх», т. е. происходит в небольших социальных группах как «побочный продукт» самоорганизации людей [14]. Этот процесс ещё получил метафорическое название «джихад без лидера», потому что происходит свободный процесс, т. е. акторы приспосабливаются к внутренним условиям без организации «сверху вниз». Большинство гипотез и концепций насильственной радикализации опираются на одну из этих теорий, потому что дебаты представляют собой классический социологический разрыв «между структурой и агентностью, или важностью организаций в противовес индивидуальной социализации» [14, с. 179]. Можно сказать, что механизмы радикализации являются скорее эмерджентными свойствами процесса. В результате дебатов между приверженцами «роя» и «рыбаков» появилась новая гипотеза заражения терроризмом (the terror contagion hypothesis) [16]. Суть гипотезы заключается в том, что насильственная радикализация связана с социальным заражением, т. е. насильственная идеология и методы террористической деятельности передаются через «культурные сценарии», которые, в свою очередь, формируются после совершённых террористических актов. Теории радикализации «роя» и «рыбаков» в этой гипотезе являются не причиной процесса, а её «побочным продуктом»: «рой» и «рыбаки» — это всего лишь некоторые из многих потенциальных проявлений, возникающих в результате заражения терроризмом внутри процесса радикализации, а насильственная радикализация представляет собой «социальную заразу». Она распространяется путём объединения насильственной идеологии и «культурных сценариев» осуществления массового насилия. Кроме того, при определённых условиях эта социальная зараза может стать самовоспроизводящейся, самоподдерживающейся [16].

Социологи и психологи уже в первое десятилетие исследований радикализации признали, что крайне трудно собрать достоверные эмпириче-

ские данные об этом процессе [2; 7; 17–20]. Большая часть трудностей заключается в том, что в обществе может быть много радикализированных людей, которые на самом деле не совершали и даже не планировали насильственного действия (или террористического акта как крайней точки радикализации), но они имеют радикальные убеждения и могут находиться в процессе радикализации. Но поскольку большинство эмпирических исследований в основе содержат выборку только тех, кто уже радикализирован, встал на путь насилия, постольку результаты исследований подтверждают предположение о том, что террористическое насилие характеризует конечную точку радикализации. Исключение из выборки тех, кто радикализирован частично, кто дистанцировался от радикальной среды (навсегда или временно) или всё ещё находится в процессе, но не проявил себя в насильственных акциях или поддержке насильственного экстремизма, терроризма, сильно ограничивает возможность прийти к пониманию самого процесса и, соответственно, к разработке мер по предотвращению дальнейшей индивидуальной или групповой радикализации.

Выявление тех, кто находится в процессе онлайн-радикализации, является ещё более трудной для решения задачей, поскольку: 1) понятие «онлайн-радикализация» ещё более расплывчато, чем понятие «радикализация», и согласованного определения также не существует; 2) интернет не является причиной радикализации, это инструмент, с помощью которого осуществляется быстрое воздействие на широкую аудиторию; соответственно, массовый, вирусный, масштабируемый эффект позволяет радикализировать в короткие сроки пользователей, но, что первично, микро- или мезоуровень остаётся под вопросом; 3) под сомнение ставится вопрос разделения онлайн- и офлайн-пространства; исследователи отмечают, что дихотомия является неоправданной, потому что приводит к узкому пониманию роли коммуникационных технологий в процессе радикализации [21–23]. Появилось даже отдельное направление исследований, в котором «радикализация понимается как процесс, который разворачивается в онлайн и офлайн одновременно в гибридном онлайн-пространстве... которое органично объединяет элементы, относящиеся как к онлайн, так и офлайн среде» [23, с. 2]. Приверженцы этого подхода используют меткое слово «Onlife», придуманное философом Лучано Флориди [24], и производное от него словосочетание «Onlife spaces» [23].

Что касается консенсуса в определении онлайн-радикализации, приводим определение, которое чаще всего применяют исследователи именно этого направления. Онлайн-радикализация рассматривается «как процесс, в ходе которого люди подвергаются влиянию экстремистских убеждений и взглядов, подражают и усваивают их посредством Интернета,

в частности социальных сетей, и других форм онлайн-коммуникации» [25, с. 01]. Интернет не рассматривается как причина радикализации, только как способ, технологии, позволяющие максимально быстро, масштабно доставлять информацию пользователям глобальной сети.

Позиция исследователей, которые предлагают рассматривать радикализацию как неразрывный процесс онлайн и офлайн одновременно, на сегодняшний день является скорее теоретической экспликацией, чем реально реализуемым концептом. Изучение процесса радикализации в таком контексте на настоящий момент крайне затруднительно, потому что требуются: 1) методологическая строгость (количественная/качественная); 2) эмпирическая строгость (выборка, сбор первичных данных); 3) разработка, расширение (и адаптация уже имеющихся) методов и инструментов поиска, обработки и анализа больших данных; 4) преодоление крайне сложного барьера — доступ к «популяции исследуемых».

За прошедшие двадцать лет сложились следующие направления исследований микро-, мезо- и макроуровня изучения радикализации.

Анализ поведенческих и социально-психологических атрибутов радикализации [26; 6; 27–29]. Наиболее перспективным в этом направлении исследований является социокогнитивный подход, в котором радикализация определяется постепенной и непрерывной трансформацией представлений, целей, убеждений и источников мотивации [30].

Исследование факторов риска радикализации и самого процесса распространения радикальных идей [2; 31–34]. Внимание исследователей сосредоточено на изучении динамики межгруппового конфликта, механизмах радикализации и факторов риска радикализации микро-, макро- и мезоуровня.

Исследование процесса радикализации как совокупности поведенческих, психологических, социальных, идеологических, мобилизационных и других компонентов. По мнению исследователей, радикализация зависит от контекста, в котором она происходит, и насильственного контента, который потребляется пользователями социальных медиа [35–44]. Характерной чертой процесса активной радикализации является наличие нарратива, поддерживающего насилие и прямые или косвенные социальные взаимодействия, в ходе которых формируется легитимирующая насилие интерпретация реальности [11]. В этом направлении можно выделить многоуровневый подход, который в силу своей методологической сложности, необходимости применения автоматизированных инструментов и сервисов, а также баз данных (например, PIRUS — Profiles of Individual Radicalization in the United States, появившаяся в 2014 году и содержащая информацию о более чем 3 тыс. профилей за период 1948–2021 гг.) ещё не получил значительного распространения, но является перспективным.

На протяжении незначительного по времени изучения феномена радикализации учёные из разных областей знания создали новую междисциплинарную область, в которую интегрированы социологи, психологи, лингвисты, философы, криминологи, математики, специалисты data science и др. По-нашему мнению, концепция радикализации как предиктора терроризма носит прикладной и даже инструментальный характер, поскольку сосредоточена на диагностике процесса — последовательности действий людей, «заражаемых» идеями насильственных способов достижения цели, которая может быть политической, идеологической, религиозной и даже личной.

Эмпирическая база, методология и методы анализа

Как отмечалось во Введении, цель статьи — наукометрический анализ современного состояния исследований радикализации в российском и зарубежном научно-исследовательском поле, выявление тенденций и динамики изучения радикализации, возможностей и ограничений развития научного направления в России. Сразу отметим два важных ограничения. Первое: для изучения был выбран десятилетний временной период — с 2014 по 2023 г., поскольку именно этот период стал наиболее продуктивным и многогранным в исследованиях радикализации. Для «чистоты эксперимента» также была осуществлена выгрузка данных по публикациям в России за период с 2000 по 2013 г. для проверки гипотезы о том, что в первом десятилетии XXI века в России исследования радикализации практически не проводились. Гипотеза подтвердилась после экспертной проверки. Второе: сравнение напрямую количественных данных по российским и зарубежным публикациям не проводилось, поэтому они представлены отдельно. Это связано с тем, что: количественная доля публикаций в зарубежных источниках несравнимо выше, потому что исследования начались гораздо раньше; в силу ограничений для российских исследователей доступа к базам данных WOS/Scopus были собраны данные из трёх различных источников, которые ограничены функционалом выгрузки данных. Эти объективные ограничения не отразились на качестве результатов исследования.

Для оценки тенденций и динамики изучения радикализации в российской научной периодике были отобраны публикации за период с 2014 по 2023 г. включительно, проиндексированные на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY. Публикация включалась в рассматриваемую выборку при соблюдении следующего условия: в названии, аннотации или ключевых словах должен встречаться термин «радикализация». Рассматривались исключительно статьи, имеющие полный текст на сайте

eLIBRARY и опубликованные в журналах. Иные материалы (согласно классификации портала eLIBRARY), а именно: материалы конференций, монографии, диссертации, отчёты и патенты не рассматривались. На рисунке 1 приведено распределение количества работ, соответствующих условиям отбора, по годам.

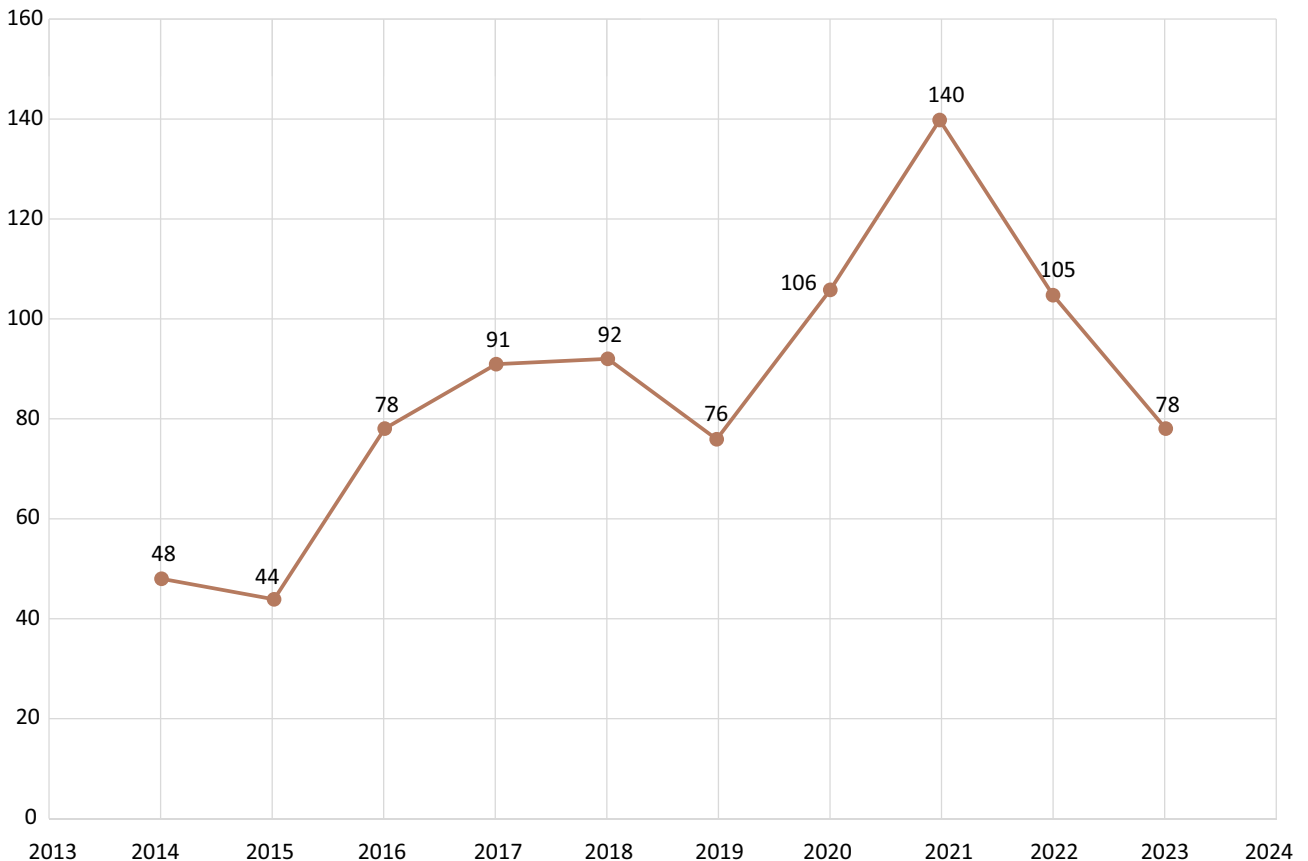

Рис. 1. Количество публикаций с ключевым словом «радикализация», размещённых на портале eLIBRARY, 2014–2023 гг.

Для оценки тенденций и динамики изучения радикализации в международной научной периодике были отобраны публикации за аналогичный период 2014–2023 гг., в которых термин «radicalization» встречался в названии, аннотации или перечне ключевых слов. Нерелевантные публикации из таких категорий, например, как «Biochemistry, Genetics and Molecular Biology», «Physics and Astronomy», были исключены. С учётом ограничения доступа к аналитическим системам SciVal и Clarivate был выполнен поиск публикаций в рамках систем трёх крупнейших научных издательств: Elsevier, Wiley и Springer. Таким образом, результаты поиска распределились следующим образом: Elsevier — 121 публикация, Wiley — 239, Springer — 1490.

Результаты

Наукометрический анализ современного состояния исследований радикализации в российском научно-исследовательском поле. В рамках количественного анализа с помощью встроенных сервисов портала eLIBRARY были выделены тематические рубрики публикаций, а также ключевые слова. Подробное описание распределения публикаций по тематическим рубрикам приведено в таблице 1. Цвет заливки ячеек в таблице иллюстрирует «популярность» соответствующей тематической рубрики в пределах года публикации (максимальному значению соответствует зелёный цвет, минимальному — красный).

Таблица 1

Количественное распределение анализируемых публикаций по тематическим рубрикам на портале eLIBRARY, 2014–2023 гг.

Тематические рубрики публикаций	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Всего
Политика и политические науки	17	15	24	27	30	23	35	45	27	24	267
Государство и право. Юридические науки	6	8	15	28	13	16	27	37	14	19	183
История. Исторические науки	12	10	18	18	22	9	13	22	23	7	154
Социология	3	5	7	5	7	10	10	16	13	6	82
Философия	3	1	3	6	3	1	1	2	3	4	27
Психология	–	1	2	1	2	8	7	5	7	5	38
Народное образование. Педагогика	–	1	1	1	3	1	2	3	5	2	19
Религия. Атеизм	2	–	1	2	4	–	–	1	5	1	16
Экономика. Экономические науки	1	–	2	–	3	1	3	1	2	1	14
Языкознание	–	1	–	1	–	–	2	4	1	1	10
Комплексное изучение отдельных стран и регионов	1	1	–	1	2	3	3	–	1	–	12
Медицина и здравоохранение	1	–	1	–	1	–	1	–	–	–	4
Общественные науки в целом	2	–	1	–	–	2	1	1	1	–	8
Литература. Литературоведение. Устное народное творчество	–	–	1	–	1	–	–	–	–	1	3

Окончание таблицы 1

Тематические рубрики публикаций	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Всего
Культура. Культурология	–	–	1	–	1	1	–	–	–	–	3
Автоматика. Вычислительная техника	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	2
Демография	–	–	–	–	–	–	1	1	–	–	2
Общие и комплексные проблемы технических и прикладных наук и отраслей народного хозяйства	–	1	–	–	–	–	–	1	–	–	2
Организация и управление	–	–	–	1	–	–	–	1	–	–	2
Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1
Информатика	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Комплексные проблемы общественных наук	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1
Общее кол-во публикаций	48	44	78	91	92	76	106	140	105	71	851

Отметим, что у 7 публикаций 2023 года на момент анализа отсутствовало указание тематических рубрик, чем объясняется расхождение соответствующих значений между рисунком 1 и таблицей 1.

Распределение публикаций по первым 10 наиболее популярным темам приведено на рисунке 2, на рисунках 3 и 4 — распределения по изданиям и аффилиациям авторов соответственно.

Для оценки контекста, в котором рассматривается процесс радикализации, были проанализированы ключевые слова публикаций. Для рассмотрения были отобраны топ-30 ключевых слов для каждого из рассматриваемых годов публикаций. Из рассмотрения исключены такие ключевые слова, как «радикализация» и «радикализм» поскольку они отражают лишь соответствие публикации изначальному поисковому запросу.

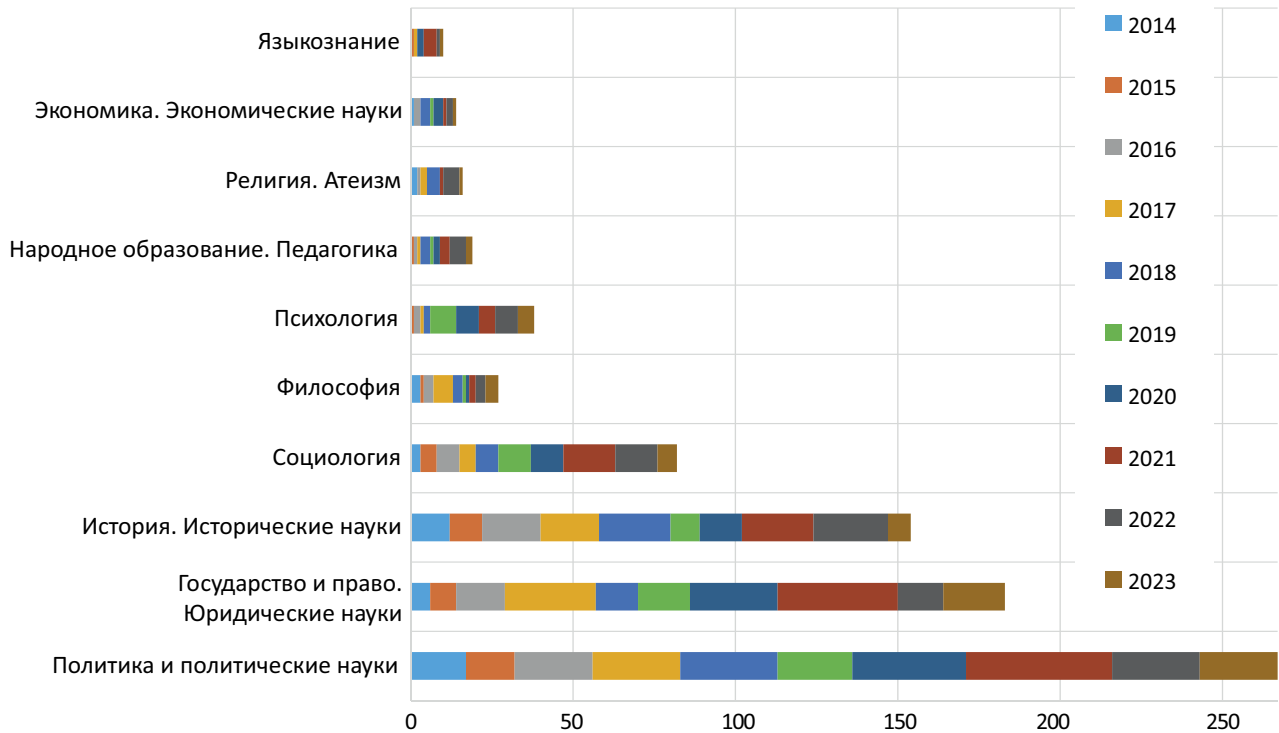
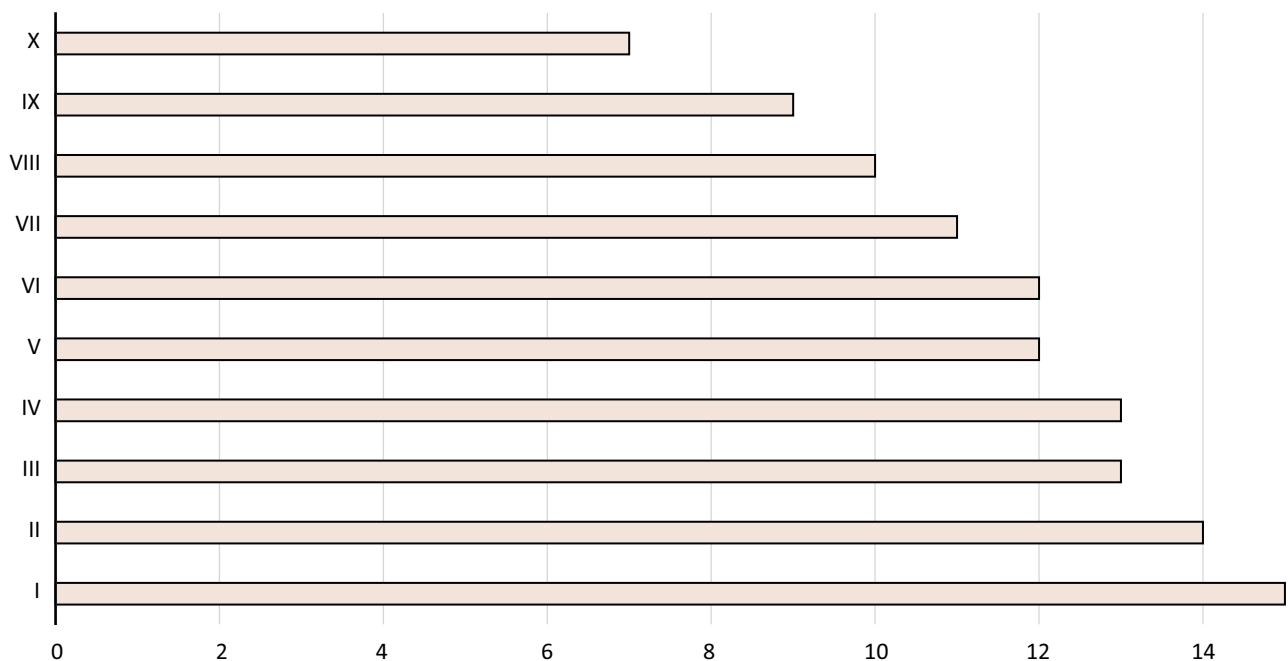

Рис. 2. Распределение рассматриваемых публикаций по 10 наиболее популярным тематическим рубрикам на портале eLIBRARY, 2014–2023 гг.

I. Власть; II. Россия и мусульманский мир; III. Пробелы в российском законодательстве; IV. Исламоведение; V. Теории и проблемы политических исследований; VI. Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право; VII. Актуальные проблемы Европы; VIII. Постсоветские исследования; IX. Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета; X. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК

Рис. 3. Распределение рассматриваемых публикаций по журналам на портале eLIBRARY, 2014–2023 гг.

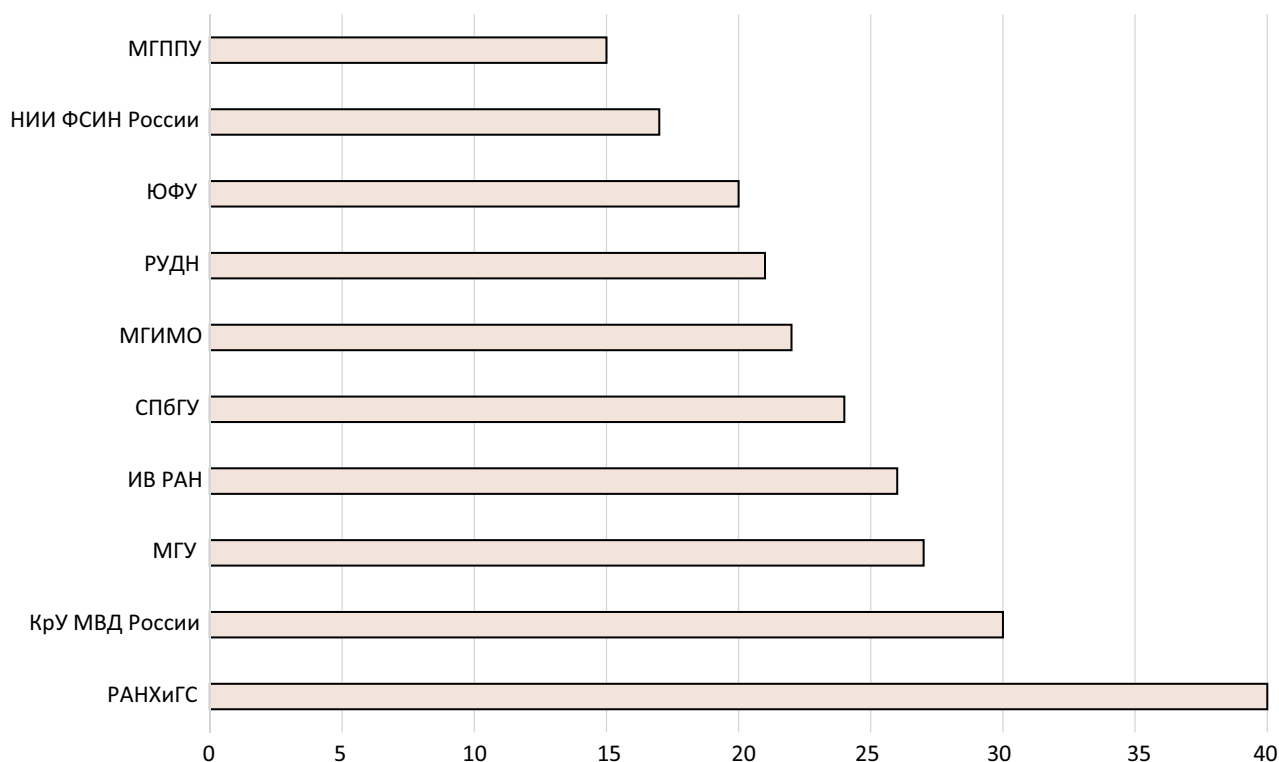

Рис. 4. Распределение рассматриваемых публикаций по организациям (аффилиации авторов)

Если в топ-30 попадались одни и те же ключевые слова и выражения на русском и английском языках, то отбиралось только наибольшее из значений, чтобы исключить возможность необоснованного «завышения» веса ключевого слова (поскольку в большинстве публикаций содержатся два списка ключевых слов: на русском и английском языках). Значения же близких по смыслу ключевых слов и выражений объединялись. Например, термин «экстремизм» в итоговой выборке ключевых слов включает в себя также «религиозный экстремизм», «исламский экстремизм», а «ислам» включает также «исламский мир», «исламизм», «радикализация ислама», «исламский радикализм». В таблице 2 приведена детализация частоты включения соответствующих ключевых слов в публикациях, вышедших с 2014 по 2023 г., соответствующее облако ключевых слов приведено на рисунке 5.

Для анализа значения термина «радикализация», которое используется в российском исследовательском поле, были отобраны топ-3 наиболее цитируемых публикаций в каждом из годов рассматриваемого диапазона. Следует отметить ограничения выбранного подхода, а именно: не все целевые публикации 2023 года проиндексированы на момент выполнения наукометрического анализа (26 января 2024 г.). Также в силу пока ещё малого количества цитирований работ 2023 года по сравнению с предшествующими ему годами, топ-3 публикаций по цитируемости могут не отражать реальную востребованность результатов.

Таблица 2

Частота включения ключевых слов в рассматриваемых публикациях 2014–2023 гг.
на портале eLIBRARY

Ключевое слово или выражение	Количество	Доля в общем числе ключевых слов, %
Экстремизм	201	26
Терроризм	160	21
Ислам	145	19
Молодёжь	56	7
Религия	45	6
Социальные сети	28	4
Идеология	26	3
Центральная Азия	24	3
Противодействие	22	3
Франция	22	3
Дерадикализация	20	3
Россия	20	3

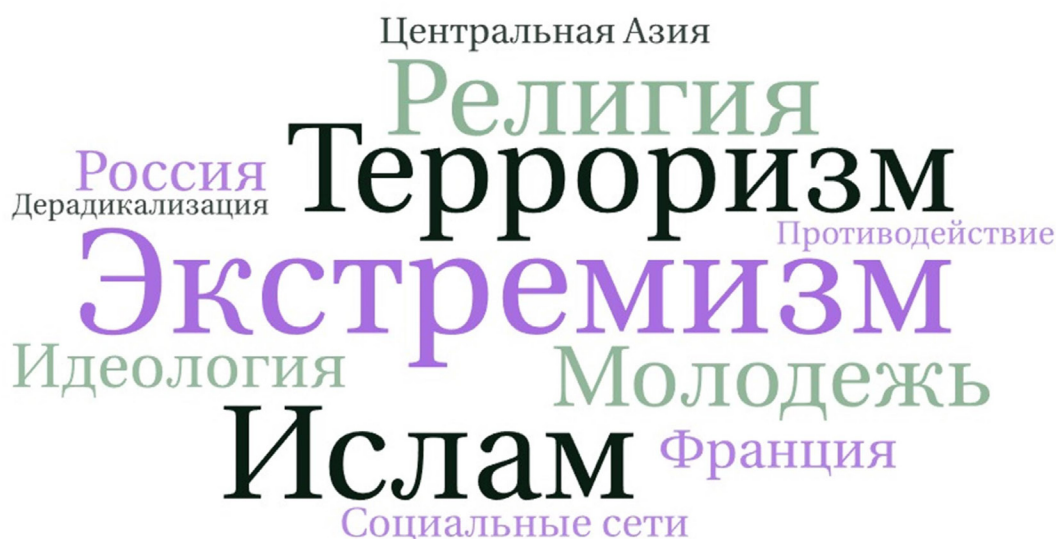

Рис. 5. Облако ключевых слов анализируемых публикаций 2014–2023 гг.
на портале eLIBRARY

Наукометрический анализ современного состояния исследований радикализации в зарубежном научно-исследовательском поле. В таблицах 3 и 4 приведены данные о распределении по тематическим категориям целевых публикаций, вышедших в журналах и книгах издательств Elsevier и Springer соответственно. Особенности поисковой системы издательства Wiley не позволили сформировать аналогичную таблицу по результатам поиска. Следует учесть, что одна публикация может одновременно относиться к нескольким тематическим категориям, поэтому суммарные значения не совпадают с общим числом отображенных работ.

Таблица 3

*Количественное распределение анализируемых публикаций 2014–2023 гг.
по тематическим рубрикам издательства Elsevier*

Тематическая рубрика	Количество публикаций
Medicine and Dentistry	67
Psychology	64
Social Sciences	59
Computer Science	18
Economics, Econometrics and Finance	17
Arts and Humanities	12
Environmental Science	10
Neuroscience	8

Таблица 4

*Количественное распределение анализируемых публикаций 2014–2023 гг.
по тематическим рубрикам издательства Springer*

Тематическая рубрика	Количество публикаций
Political Science	289
Social Sciences, general	210
Sociology, general	208
Criminology and Criminal Justice, general	143
Political Science and International Relations, general	135
Anthropology	88
Religious Studies, general	82
Ethics	71
Political Philosophy	71
Philosophy, general	69
Science, Humanities and Social Sciences, multidisciplinary	69
Methodology of the Social Sciences	63
Comparative Politics	62
Personality and Social Psychology	61
International Relations	59
Sociology of Religion	59
Artificial Intelligence	53
Political Theory	52
Philosophy of Science	50
Theories of Law, Philosophy of Law, Legal History	46

Системные функции поисковых систем Elsevier и Wiley позволили выделить также и ключевые слова в рассматриваемых публикациях. В таблицах 5 и 6 приведены наиболее часто встречающиеся ключевые слова, количество их упоминаний и соответствующая доля в общем количестве. Близкие по смыслу ключевые слова были объединены в один термин. На рисунках 6 и 7 приведены соответствующие облака ключевых слов рассматриваемых публикаций.

Таблица 5

Частота включения ключевых слов в публикациях 2014–2023 гг. издательства Elsevier

Ключевое слово или выражение	Количество	Доля в общем числе ключевых слов, %
Terrorism	46	22
Extremism	25	12
Adolescence	19	9
Violence	19	9
Identity	16	8
Islam	14	7
Psychopathology	9	4
Jihad	9	4
Online	9	4
Security	6	3
Religion	5	2
Sociophysics	4	2
Machine Learning	4	2
Social Media	4	2
Personality	4	2
Propaganda	4	2
Post	3	1
Al-Qaeda	3	1
Conversion	3	1
Polarization	3	1
Prison	3	1

Таблица 6

Частота включения ключевых слов в публикациях 2014–2023 гг. издательства Wiley

Ключевое слово или выражение	Количество	Доля в общем числе ключевых слов, %
Terrorism	50	21
Extremism	40	17
Violence	26	11

Окончание таблицы 6

Ключевое слово или выражение	Количество	Доля в общем числе ключевых слов, %
Social Media	20	8
Identity	9	4
Youth	9	4
Counter Terrorism	8	3
Jihad	8	3
Prison	8	3
SocialMovements	7	3
ForensicScience	6	3
Islam	6	3
Mobilization	6	3
Deradicalization	5	2
Online Radicalization	5	2
Prevention	5	2
Racism	5	2
Colonialism	4	2
Muslim	4	2
Ideology	3	1
Individuation	3	1
United States	3	1

Рис. 6. Облако ключевых слов анализируемых публикаций 2014–2023 гг. издательства Elsevier

Рис. 7. Облако ключевых слов анализируемых публикаций 2014–2023 гг. издательства Wiley

В ключевых словах анализируемых статей издательств Elsevier и Wiley на первых двух местах находятся «Terrorism» и «Extremism». Основным же заметным отличием является наличие «Social Media» среди топ-5 ключевых слов издательства Wiley.

Обсуждение

Результаты анализа российских научных публикаций позволяют констатировать наличие устойчивой связи между терминами «радикализация» и «экстремизм», «терроризм» и «ислам», которая наблюдается на протяжении всего рассматриваемого периода (2014–2023 гг.). Тематически радикализация рассматривается в первую очередь в политическом, юридическом и историческом контекстах, социологический, философский и психологический аспекты процессов радикализации рассматриваются значительно реже.

Анализ наиболее цитируемых публикаций по годам выявил следующее: термин «радикализация» используется как самодостаточный, без формального определения в подавляющем большинстве работ либо как синоним терроризма, экстремизма [45–68]. Значительное количество работ направлено на описание и изучение процессов исламской радикализации [56; 69; 62–64; 67–68] и радикализации молодёжи [45; 51; 54; 57–60; 65; 69; 70; 71]. Связь между социальными медиа (и интернетом в общем) и радикализацией рассматривается только в четырёх работах [60; 65; 70; 72].

Несмотря на то, что в ряде работ [62; 69] используются сравнительные степени вместе с термином «радикализация» (например, «самое радикальное» или «более радикальное»), что подразумевает наличие различных «степеней» или «этапов», радикализация как процесс без безусловной негативной коннотации рассматривается только в шестой части работ [49, 54, 70–71, 73]. Междисциплинарный аспект изучения радикализации явно выделяется только в трёх работах [54; 70–71].

Определение «радикализации» дано менее чем в четверти рассматриваемых работ [54; 69; 70–71; 73–74]. При этом определения радикализации заметно отличаются. Д. Г. Лощаков определяет радикализацию в институциональном плане как «организованную и целенаправленную деятельность политизированных групп молодёжи» [69, с. 35]. В работе «Радикализация в подростково-молодёжной среде: в поисках объяснительной схемы», имеющей характер обзора, приведены несколько определений радикализации других авторов [71]. С. Г. Кирдина-Чэндлер рассматривает радикализацию как «усиление непримиримых настроений, неуверенность существования, приверженность крайним взглядам и резкую критическую направленность по отношению к существующим институтам» [73, с. 7]. В работе «Изучение процесса онлайн-радикализации молодёжи в социальных медиа (междисциплинарный подход)» радикализация представлена как «процесс перехода от ненасильственных форм выражения мнения к насильственным действиям» [70, с. 162], что частично созвучно с таким определением, как принятие «индивидуумом экстремистских политических, социальных или религиозных идеалов и их продвижение насильственными методами» [74, с. 60].

Результаты проведённого анализа работ позволяют сформулировать следующие выводы.

Во-первых, в России исследования радикализации ещё не получили активного распространения. В целом исследования можно охарактеризовать как поверхностные, обделённые эмпирическими данными и даже зачастую страдающие избыточным пересказом — в ущерб аналитической составляющей. О теоретической проработке как о самостоятельной конструкции для построения авторских концепций радикализации на сегодняшний день даже не приходится говорить. Лишь в единичных публикациях закладываются основы для такой работы. Отметим, что частично это можно объяснить в том числе проблемами наличия доступа к данным.

Во-вторых, в российском научном сообществе радикализация рассматривается преимущественно в связи с проблематикой религиозного экстремизма и терроризма. Иными словами, рассматривается финальная стадия процесса радикализации действий согласно модели политической радикализации McCauley-Moskalenko [2]. Этапы процессов радикализации

мнений и действий, а также компоненты радикализации, имеющие значение в каждой из моделей, фактически остаются за границами внимания основной части исследователей.

В-третьих, доминирует подход, рассматривающий процесс радикализации «сверху вниз»: индивид радикализуется, в первую очередь, вследствие оказанного целевого, намеренного влияния (вербовщиков, онлайн-сообществ и пр.). То есть заметна приверженность к «лагерю» разделяющих теории «роя» и саморадикализации. Реже, преимущественно в рамках тематических направлений «социология» и «психология», процесс радикализации рассматривается «снизу-вверх»: в результате сложного сочетания личностных, культурных (субкультурных), временных (одномоментных) факторов, факторов окружения и иных индивид проходит различные стадии радикализации. В данном случае наблюдается приверженность теории «рыбаков». Особо отметим, что ни в том, ни в другом случае авторы работ не ссылаются на исследования, посвящённые теории «роя» или теории «рыбаков».

В-четвертых, следует отметить низкую долю работ, посвящённых профилактике радикализации и, соответственно, экстремизма и терроризма. Мы полагаем, что это связано с тем, что российские исследователи мало знакомы с зарубежными публикациями по этому направлению. Недостаток эмпирических знаний и объяснительных концепций радикализации не позволяет не только предложить эффективные решения в сфере профилактики, но и выполнить качественную (с хорошо интерпретируемыми результатами) оценку уже принятых и реализуемых подходов.

По результатам анализа публикаций в международной научной периодике можем констатировать, что тематически исследования радикализации преобладают в политических науках, социальных науках — социологии и психологии. Топ-ключевых слов в публикациях распределяется (по убыванию) следующим образом: терроризм, экстремизм, насилие, подростки, молодёжь, идентичность, социальные медиа, ислам.

Отметим, что полученные результаты по англоязычным публикациям схожи с результатами исследований ряда российских учёных. В первую очередь, и в тех, и в других работах радикализация рассматривается в связи с насильственным экстремизмом и терроризмом. Также к сходствам можно отнести заметную связь между понятиями «радикализация» и «молодёжь» (Youth, Adolescence). При этом связь с ключевым словом «ислам» в российском поле заметно более выражена. Также стоит отметить нарастающую тенденцию в англоязычном исследовательском поле к изучению специфики онлайн-радикализации, в том числе с применением методов машинного обучения, что является практически единственным потенциально эффективным инструментом для решения данного рода задач [75]. В единичных

случаях российские исследователи применяют методы и инструменты Data Science при изучении процессов радикализации, однако, к сожалению, вопросам качества работы с данными внимания уделяется недостаточно. Наличие же таких ключевых слов, как Identity, Sociophysics, Personality, Social Movements, которые занимают своё, хоть и сравнительно скромное место в англоязычных исследованиях, и их полное отсутствие в российских указывают на складывающуюся принципиальную разницу в подходах к пониманию природы феномена радикализации. Авторы статьи предполагают, что разница обусловлена общим отставанием российских исследований как минимум на десятилетие.

Заключение

Изучение радикализации стало прикладным направлением в исследованиях терроризма, перспективным для диагностики механизмов вовлечения в террористическую деятельность. В международном научно-исследовательском поле понятие «радикализация» вошло в тезаурус учёных, но ещё не получило общепринятого определения, тогда как в российском поле сам термин применяется, но критически редко встречаются его интерпретации.

Чтобы минимизировать существующие разногласия в определениях радикализации, полезно помнить о «многослойности» самого процесса и учитывать разные точки зрения, следуя принципу дисциплинарного эклектизма, заложенному Робертом Мертоном. Он утверждал, что прийти к приемлемым объяснениям сложных феноменов, «разгадать социальную сложность возможно только за счёт эклектичности — взаимодополняемости концептуальных схем, используя активы различных точек зрения, многостороннюю мозаику теоретических объяснений и быть свободным от одностороннего догматизма в отношении альтернативных объяснений» [76].

В российском исследовательском поле концепция радикализации как процесса, являющегося предиктором терроризма, стала объектом изучения только во втором десятилетии нынешнего века. На сегодняшний день российские исследователи находятся на начальном этапе изучения радикализации: в их поле зрения экспликация понятия, накопление эмпирических данных, попытки создания концептуальных схем. Заметное отставание, по-нашему мнению, имеет ряд взаимосвязанных причин.

Критически мало российских исследователей знакомы с работами зарубежных коллег по радикализации. Именно с этим связано отсутствие определений радикализации в большинстве публикаций и, соответственно, выдвижение и обоснование собственных гипотез и концепций.

Объект исследования. Провести полевое исследование сложно, иногда невозможно «дотянуться до источника», поэтому применение традици-

онных методов опроса, интервью зачастую сильно ограничено. Есть альтернатива — создание баз данных (сбор данных из открытых источников), применение качественных методологий (к примеру, кейс-стади), которые были, есть и будут оставаться основными в этой области. Но это трудоёмкие процессы, которые требуют организации и не могут быть решены силами только отдельных исследователей, необходима коллективная работа специалистов из разных областей знаний. Кроме того, доступ к широчайшему спектру исходных данных, включая открытые данные социальных медиа, является проблемой. Тут стоит упомянуть в качестве примера проект Facebook Open Research & Transparency¹, направленный на предоставление данных исследователям при соблюдении приватности. Отдельного и тщательного обсуждения и согласования требуют вопросы безопасности данных и исследовательской этики. Фактически проблема доступа исследователей к данным является актуальной, но нерешённой для учёных во всем мире.

Методология и методы. В этой области исследований используются методологии и методы разных областей знания, отсутствуют универсальные, согласованные или «отточенные» методы. Но российские исследователи могут опираться на уже апробированные зарубежными коллегами методы и методики, адаптировать их и в дальнейшем приступить к разработке собственных методов, технологий, методик.

Сами исследователи и подготовка научных кадров. Изучение радикализации, также, как и терроризма, насильственного экстремизма, привлекает немногих. Полностью посвящают себя изучению этой области на постоянной основе или на длительный период времени единицы. Это связано со специфичностью области исследований. Междисциплинарный характер данной области ещё больше осложняет её изучение, поскольку собрать научный коллектив под такие исследования крайне затруднительно. Требуются специальные программы подготовки и повышения квалификации: в современных условиях базовые компетенции в области Data Science являются обязательным требованием для обеспечения качества результатов исследований. Нет специализированных журналов, не проводятся тематические конференции, на которых исследователи могли бы поделиться опытом.

Финансирование исследований. Очевидно, как в случае любого нового направления, пока в него не придут финансовые инвестиции, притока исследователей ожидать не стоит, следовательно, и системно развиваться направление не будет.

Подводя итог, выскажем мысль, которая не является ни новой, ни оригинальной, но очевидной. Разработка любых мер противодействия и про-

¹ С 2022 года признана в РФ экстремистской организацией.

филактики таких сложных явлений, как радикализация и терроризм, не может быть оторвана от изучения их локальных причин и механизмов, особенно в современных условиях новых угроз национальной безопасности России.

Список источников. References

1. *Coolsaet R.* All radicalisation is local: the genesis and drawbacks of an elusive concept : URL: <https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2016/05/ep84.pdf?type=pdf> (дата обращения: 21.03.2024).
2. *McCauley C., Moskalenko S.* Mechanisms of political radicalisation: Pathways toward terrorism // *Terrorism and Political Violence*. 2008. Vol. 20, № 3. P. 415–433. DOI [10.1080/09546550802073367](https://doi.org/10.1080/09546550802073367).
3. *Neumann P. R.* The trouble with radicalization // *International Affairs*. 2013. Vol. 89, № 4. P. 873–893. DOI [10.1111/1468-2346.12049](https://doi.org/10.1111/1468-2346.12049).
4. *Onnerfors A., Steiner K.* Introduction // *Expressions of Radicalization: Global Politics, Processes and Practices* / Eds. A. Onnerfors, K. Steiner. London : Palgrave Macmillan, 2018. P. 1–38. DOI [10.1007/978-3-319-65566-6_1](https://doi.org/10.1007/978-3-319-65566-6_1).
5. *Neumann P. R.* The Trouble with Radicalisation // *International Affairs*. 2013. Vol. 89, № 4. P. 873–893. DOI [10.1111/1468-2346.12049](https://doi.org/10.1111/1468-2346.12049).
6. *Borum R.* Radicalization into violent extremism I: A review of social science theories // *Journal of Strategic Security*. 2011. Vol. 4, № 4. P. 7–36. DOI [10.5038/1944-0472.4.4.1](https://doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.1).
7. *Horgan J.* From Profiles to Pathways and Roots to Routes: Perspectives from Psychology on Radicalization into Terrorism // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 618, № 1. P. 80–94. DOI [10.1177/0002716208317539](https://doi.org/10.1177/0002716208317539). EDN JLEUBT.
8. *Mandel D. R.* Radicalization: What Does It Mean // *Home-grown Terrorism: Understanding and Addressing the Root Causes of Radicalisation Among Groups with an Immigrant Heritage in Europe*. Brussels : IOP Press, 2009. P. 101–113.
9. *Whittaker J.* Rethinking Online Radicalization // *Perspectives on Terrorism*. 2022. Vol. 16, № 4. P. 27–40.
10. *Tausch N., Bode S., Halperin E.* Emotions in Violent Extremism // *Handbook of the Psychology of Violent Extremism* / Ed. by M. Obaidi, J. Kunst. Cambridge : Cambridge University Press, 2024.
11. *Schmid A.* Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review // *Terrorism and Counter-Terrorism Studies*. 2013. Vol. 4, № 2. DOI [10.19165/2013.1.02](https://doi.org/10.19165/2013.1.02).
12. *Schmid A. P.* The definition of terrorism // *The Routledge handbook of terrorism research* / Edited By Alex Schmid. London : Routledge, 2011. P. 39–157.
13. *Alfano M., Carter J. A., Cheong M.* Technological Seduction and Self-Radicalization // *Journal of the American Philosophical Association*. 2018. Vol. 4, № 3. P. 298–322. DOI [10.1017/apa.2018.27](https://doi.org/10.1017/apa.2018.27).
14. *Baaken T., Schlegel L.* Fishermen or Swarm Dynamics? Should we Understand Jihadist Online-Radicalization as a Top-Down or Bottom-Up Process? // *Journal for Deradicalization*. 2017. № 13. P. 178–212.
15. *Pepys R., Bowles R., Bouhana N.* A Simulation Model of the Radicalisation Process Based on the IVEE Theoretical Framework // *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2020. Vol. 23, № 3. DOI [10.18564/jasss.4345](https://doi.org/10.18564/jasss.4345).

16. Contingencies of Violent Radicalization: The Terror Contagion Simulation / T. Clancy, B. Addison, O. Pavlov, K. Saeed // *Systems*. 2021. Vol. 9, № 4. Art. 90. DOI [10.3390/systems9040090](https://doi.org/10.3390/systems9040090).
17. *Evaluation for Crime Prevention* / Ed. By N. Tilley. Boulder, Colorado : Lynne Rienner Publishers, 2002. 225 p. ISBN 978-1881798361. (Crime Prevention Studies. Vol. 14).
18. *De la Roche R. S.* Why is collective violence collective? // *Sociological Theory*. 2001. Vol. 19, № 2. P. 126–144. DOI [10.1111/0735-2751.00133](https://doi.org/10.1111/0735-2751.00133).
19. *Moghaddam F. M.* The staircase to terrorism: A psychological exploration // *American Psychologist*. 2005. Vol. 60, № 2. P. 161–169. DOI [10.1037/0003-066X.60.2.161](https://doi.org/10.1037/0003-066X.60.2.161).
20. *Lum C., Kennedy L. W., Sherley A. J.* The Effectiveness of Counter-Terrorism Strategies // *Campbell Systematic Reviews*. 2006. Vol. 2, № 1. P. 1–50. DOI [10.4073/csr.2006.2](https://doi.org/10.4073/csr.2006.2).
21. *Wojcieszak M.* «Carrying online participation offline» — mobilization by radical online groups and politically dissimilar offline ties // *Journal of Communication*. 2009. Vol. 59, № 3. P. 564–586. DOI [10.1111/j.1460-2466.2009.01436.x](https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2009.01436.x).
22. *Ducol B.* A Radical sociability: in defense of an online/offline multidimensional approach to radicalization // *Social Networks, Terrorism and Counter-Terrorism: Radical and Connected* / Ed. M. Bouchard. New York, NY : Routledge, 2015. P. 82–104.
23. *Valentini D., Lorusso A. M., Achim S.* Onlife Extremism: Dynamic Integration of Digital and Physical Spaces in Radicalization // *Front Psychology*. 2020. Vol. 11. DOI [10.3389/fpsyg.2020.00524](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00524).
24. *Floridi L.* Hyperhistory and the philosophies of information policies // *The On-life Manifesto: Being Human in a Hyperconnected Era*. London : Springer, 2015. P. 51–63.
25. *Binder J. F., Kenyon J.* Terrorism and the internet: How dangerous is online radicalization? // *Front Psychology*. 2022. Vol. 13. DOI [10.3389/fpsyg.2022.997390](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.997390). EDN [RGSMYY](https://www.edn.net/rgsmyy).
26. *Borum R.* Understanding the Terrorist Mind-set // *FBI Law Enforcement Bulletin*. 2003. Vol. 72, № 7. P. 7–10.
27. *Horgan J. G.* *The Psychology of Terrorism* // J. G. Horgan ; 2nd ed. New York : Routledge, 2014. 206 p. ISBN 9780415698023.
28. *Taylor M., Horgan J., Sageman M.* An introduction by the Editors // *Computer-Assisted Terrorism. Dynamics of Asymmetric Conflict*. 2015. Vol. 8, № 2. P. 95–96.
29. Fully committed: suicide bombers' motivation and the quest for personal significance / A. W. Kruglanski, X. Chen, M. Dechesne [et al.] // *Political Psychology*. 2009. Vol. 30, № 3. P. 331–357. DOI [10.1111/j.1467-9221.2009.00698.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2009.00698.x). EDN [PLAXCN](https://www.edn.net/plaxcn).
30. *Garcet S.* Understanding the psychological aspects of the radicalization process: a sociocognitive approach // *Forensic Sciences Research*. 2021. Vol. 6, № 2. P. 115–123. DOI [10.1080/20961790.2020.1869883](https://doi.org/10.1080/20961790.2020.1869883).
31. *Freilich J., Chermak S.* Commitment to Extremist Ideology: Using Factor Analysis to Move beyond Binary Measures of Extremism // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2016. Vol. 39, № 7/8. P. 687–711. DOI [10.1080/1057610X.2016.1141012](https://doi.org/10.1080/1057610X.2016.1141012).
32. *Sarma K.* Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72, № 3. P. 278–288. DOI [10.1037/amp0000121](https://doi.org/10.1037/amp0000121).

33. *Dalgaard-Nielsen A.* Violent radicalization in Europe: What we know and what we do not know // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2010. Vol. 33, № 9. P. 797–814.
34. *Brockhof S., Krieger T., Meierrieks D.* Great expectations and hard times: the (non-trivial) impact of education on domestic terrorism // *Journal of Conflict Resolution*. 2015. Vol. 59, № 7. P. 1186–1215. DOI [10.1177/0022002713520589](https://doi.org/10.1177/0022002713520589). EDN [XYPKOD](#).
35. *Rieger D., Frischlich L., Bente G.* Dealing with the dark side: the effects of right-wing extremist and Islamist extremist propaganda from a social identity perspective // *Media, War & Conflict*. 2020. Vol. 13, № 3. P. 280–299. DOI [10.1177/1750635219829165](https://doi.org/10.1177/1750635219829165).
36. *Thompson R.* Radicalization and the use of social media // *Journal of Strategic Security*. 2011. Vol. 4, № 4. P. 167–190. DOI [10.5038/1944-0472.4.4.8](https://doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.8).
37. Application of a Profile Similarity Methodology for Identifying Terrorist Groups that Use or Pursue CBRN Weapons / B. Breiger, G. Ackerman, V. Asal [et al.] // *Social Computing, Behavioral-Cultural Modeling and Prediction — 4th International Conference, SBP 2011, College Park (MD, USA, March 29–31, 2011)*. Proceedings / Eds. J Salerno, S. J. Yang, D. Nau [et al.]. Berlin : Springer Berlin Heidelberg, 2011. P. 26–33.
38. Measuring the radicalization risk in social networks / R. Lara-Cabrera, A. Gonzalez-Pardo, K. Benouart [et al.] // *IEEE Access*. 2017. Vol. 5. P. 10892–10900. DOI [10.1109/ACCESS.2017.2706018](https://doi.org/10.1109/ACCESS.2017.2706018).
39. *Wendelberg L.* An Ontological Framework to Facilitate Early Detection of “Radicalization” (OFEDR)-A Three World Perspective // *Journal of Imaging*. 2021. Vol. 7, № 3. DOI [10.3390/jimaging7030060](https://doi.org/10.3390/jimaging7030060).
40. *Xie D., Xu J., Lu T.-C.* Automated Classification of Extremist Twitter¹ Accounts Using Content-Based and Network-Based Features // *IEEE International Conference on Big Data (Big Data)*. (Washington, DC, USA, 05–08 December 2016). Washington, DC, USA : IEEE, 2016. P. 2545–2549. DOI [10.1109/BigData.2016.7840895](https://doi.org/10.1109/BigData.2016.7840895).
41. *Sureka A., Agarwal S.* Learning to classify hate and extremism promoting tweets // *IEEE Joint Intelligence and Security Informatics Conference*. 2014. (The Hague, Netherlands, 24–26 September 2014). Hague, Netherlands : IEEE, 2014. P. 320–320. DOI [10.1109/JISIC.2014.65](https://doi.org/10.1109/JISIC.2014.65).
42. Social media analytics — Challenges in topic discovery, data collection, and data preparation / S. Stieglitz, M. Mirbabaie, B. Ross, C. Neuberger // *International Journal of Information Management*. 2018. Vol. 39. P. 156–168. DOI [10.1016/j.ijinfomgt.2017.12.002](https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2017.12.002).
43. *Gilani Z., Kochmar E., Crowcroft J.* Classification of Twitter¹ Accounts into Automated Agents and Human Users // *International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (Sydney Australia, 31 July 2017 — 3 August 2017)* / Eds. J. Diesner, E. Ferrari, G. Xu. New York, NY United States : Association for Computing Machinery, 2017. P. 489–496. DOI [10.1145/3110025.3110091](https://doi.org/10.1145/3110025.3110091).
44. *Conway M.* Determining the Role of the Internet in Violent Extremism and Terrorism: Six Suggestions for Progressing Research // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2017. Vol. 40, № 1. P. 77–98. DOI [10.1080/1057610X.2016.1157408](https://doi.org/10.1080/1057610X.2016.1157408).
45. *Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д.* Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка // *Социологические исследования*. 2016. № 1 (381).

¹ Twitter — заблокирован в РФ

- С. 92–99. EDN [VSLWXJ](#). [Avksent'ev V. A., Gricenko G. D. Ethno-political situation in the North Caucasus: expert assessment. *Sociological research=Sociologicheskie issledovaniya*. 2016;1(381):92–99. (In Russ.)].
46. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере евромайдана, ноябрь 2013 г.) / А. А. Азаров, Е. В. Бродовская, О. В. Дмитриева [и др.] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3 (121). С. 56–74. EDN [SIGFQV](#). [Azarov A. A., Brodovskaja E. V., Dmitrieva O. V. [et al.]. Strategies of protest behaviour attitudes formation in the Internet: experience of application of cybermetric analysis (on the example of Euromaidan, November 2013). *Monitoring of public opinion: economic and social changes=Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie I social'nye peremeny*. 2014;3(121):56–74. (In Russ.)].
47. Баранов А. В. Сепаратизм в современной Каталонии: Ресурсы, акторы и политические стратегии // Актуальные проблемы Европы. 2014. № 2. С. 95–113. EDN [SCPCGB](#). [Baranov A. V. Separatism in modern Catalonia: resources, actors and political strategies. *Actual Problems of Europe=Aktual'nye problemy Evropy*. 2014;(2):95–113. (In Russ.)].
48. Безгин В. Б., Якимов К. А. Социально-демографический портрет политкаторжан поколения «революционного перелома» начала XX века // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1235–1247. DOI [10.28995/2073-0101-2022-4-1235-1247](#). EDN [BGNWYJ](#). [Bezgin V. B., Yakimov K. A. Socio-demographic portrait of political prisoners of the generation of the “revolutionary break” of the early XX century. *Herald of Archivist=Vestnik arhivista*. 2022;(4):1235–1247. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-0101-2022-4-1235-1247](#)].
49. Дом разделенный: радикализация внутриполитической ситуации в США / И. И. Боровков, И. Ю. Кравченко, П. В. Захаров [и др.] // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 1 (76). С. 10–31. DOI [10.52311/2079-3359_2023_1_10](#). EDN [RGKDFD](#). [Borovkov I. I., Kravchenko I. Yu. [et al.] The house divided: radicalization of the domestic political situation in the United States. *Problems of National Strategy=Problemy nacional'noj strategii*. 2023;(1):10–31. (In Russ.). DOI [10.52311/2079-3359_2023_1_10](#)].
50. Вайнштейн Г. И. Европейский популизм в конце 2010-х // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 3. С. 29–38. DOI [10.20542/0131-2227-2018-62-3-29-38](#). EDN [YTHIDY](#). [Weinstein G. I. European populism in the late 2010s. *World Economy and International Relations=Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018;62(3):29–38. (In Russ.). DOI [10.20542/0131-2227-2018-62-3-29-38](#)].
51. Великая Н. М., Князькова Е. А. Репродуктивные права женщин в политическом дискурсе современной России // Женщина в российском обществе. 2021. № S. С. 25–37. DOI [10.21064/WinRS.2021.0.2](#). EDN [IQOAAI](#). [Velikaya N. M., Knyazkova E. A. Reproductive rights of women in the political discourse of modern Russia. *Woman in Russian society=Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. 2021;(S):25–37. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2021.0.2](#)].
52. Вязинкин А. Ю., Якимов К. А. Крестьянский традиционализм в годы «революционного перелома» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 5. С. 1296–1303. DOI [10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303](#). EDN [CARSNG](#). [Vyazinkin A. Yu., Yakimov K. A. Peasant traditionalism in the years of “revolutionary fracture”. *Herald of Tambov University. Series: Humanities=Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2022. T. 27, № 5. С. 1296–1303. DOI [10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303](#). EDN [CARSNG](#)].

- nitarnye nauki*. 2022;27(5):1296–1303. (In Russ.). DOI [10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303)].
53. Гуреева А. Н., Киреева П. А. Цифровые платформы как субъекты конфликтотогенной коммуникации: особенности, эффекты, риски // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 4. С. 753–771. DOI [10.17150/2308-6203.2022.11\(4\).753-771](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(4).753-771). EDN [KNSRRO](https://www.edn.ru/entry/KNSRRO). [Gureeva A. N., Kireeva P. A. Digital platforms as subjects of conflictogenic communication: features, effects, risks. *Questions of theory and practice of journalism=Voprosy teorii i praktiki journalis-tiki*. 2022;11(4):753–771. (In Russ.). DOI [10.17150/2308-6203.2022.11\(4\).753-771](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(4).753-771)].
54. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Т. 29, № 1. С. 93–108. DOI [10.31171/vlast.v29i1.7920](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920). EDN [QLQYTP](https://www.edn.ru/entry/QLQYTP). [Karpova A. Y., Maximova N. G. Schoolshooting in Russia: what matters?. *Authority=Vlast*. 2021;29(1):93–108. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v29i1.7920](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920)].
55. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 4. С. 561–571. DOI [10.17150/2500-4255.2018.12\(4\).561-571](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(4).561-571). EDN [YTNYWL](https://www.edn.ru/entry/YTNYWL). [Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Actual problems of counteraction to crimes of extremist orientation. Actual problems of counteraction to crimes of extremist orientation. *All-Russian criminological journal=Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. 2018;12(4):561–571. (In Russ.). DOI [10.17150/2500-4255.2018.12\(4\).561-571](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(4).561-571)].
56. Князев А. А. Афганская политика Узбекистана: сравнительный контекст // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6, № 3. С. 266–280. EDN [APKEEI](https://www.edn.ru/entry/APKEEI). [Knyazev A. A. Afghan policy of Uzbekistan: comparative context. *Post-Soviet Studies=Postsovetskie issledovaniya*. 2023;6(3):266–280. (In Russ.)].
57. Кружкова О. В., Воробьева И. В. Личностные особенности подростков, юношей и молодёжи, вовлечённых в среду Интернет: зоны уязвимости для экстремистского воздействия в условиях цифровизации // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2019. № 4. С. 160–185. DOI [10.11621/vsp.2019.04.160](https://doi.org/10.11621/vsp.2019.04.160). EDN [WQOQQN](https://www.edn.ru/entry/WQOQQN). [Kruzhkova O. V., Vorobyeva I. V. Personal characteristics of adolescents, young men and youth involved in the Internet environment: zones of vulnerability to extremist influence in the conditions of digitalization. *Herald of Moscow University. Series 14: Psychology=Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya*. 2019;(4):160–185. (In Russ.). DOI [10.11621/vsp.2019.04.160](https://doi.org/10.11621/vsp.2019.04.160)].
58. Кучинаев Р. Р. Актуальные проблемы развития экстремизма и терроризма в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 4. С. 258–262. EDN [RNHJGY](https://www.edn.ru/entry/RNHJGY). [Kuchinaev R. R. Actual problems of development of extremism and terrorism in the sphere of information and telecommunication technologies. *Gaps in Russian legislation=Probely v rossijskom zakonodatel'stve*. 2023;16(4):258–262. (In Russ.)].
59. Никипорец-Такигава Г. Ю. Молодёжь и молодёжная политика в Великобритании // Современная Европа. 2018. № 1 (80). С. 47–58. DOI [10.15211/soveurope120184758](https://doi.org/10.15211/soveurope120184758). EDN [YULCWH](https://www.edn.ru/entry/YULCWH). [Nikiporets-Takigava G. Yu. Youth and youth policy in Great Britain. *Modern Europe=Sovremennaya Evropa*. 2018;(1):47–8. (In Russ.). DOI [10.15211/soveurope120184758](https://doi.org/10.15211/soveurope120184758)].
60. Цифровое поведение и особенности мотивационной сферы интернет-пользователей: логико-категориальный анализ / И. Н. Погожина, А. И. Подольский,

- О. А. Идобаева, Т. А. Подольская // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 60–94. DOI [10.17323/1814-9545-2020-3-60-94](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-3-60-94). EDN [IBZGEA](https://www.edn.ru/IBZGEA). [Pogozhina I. N., Podolsky A. I., Idobaeva O. A. [et al.]. Digital behavior and features of the motivational sphere of Internet users: logical and categorical analysis. *Education Issues=Voprosy obrazovaniya*. 2020;(3):60–94. (In Russ.). DOI [10.17323/1814-9545-2020-3-60-94](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-3-60-94)].
61. Сенюшкина Т. А. Воссоединение Крыма с Россией как этнополитический процесс // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2015. Т. 11, № 4. С. 75–91. EDN [WFEVFN](https://www.edn.ru/WFEVFN). [Senyushkina T. A. Crimea's reunification with Russia as an ethno-political process. *Political Expertise: POLITEX=Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2015;11(4):75–91. (In Russ.)].
62. Силантьев Р. А., Мальцев В. В., Саввин А. В. Основные причины вовлечения новообращённых мусульман России в экстремистскую и террористическую деятельность // Исламоведение. 2016. Т. 7, № 2 (28). С. 39–45. EDN [WHHODL](https://www.edn.ru/WHHODL). [Silantiev R. A., Maltsev V. V., Savvin A. The main reasons for the involvement of newly converted Muslims in Russia in extremist and terrorist activities. *Islamology=Islamovedenie*. 2016;7(2):39–45. (In Russ.)].
63. Сиражудинова С. В. Неофиты в структуре радикального ислама // Информационные войны. 2015. № 4 (36). С. 94–99. EDN [UXQDSJ](https://www.edn.ru/UXQDSJ). [Sirazhudinova S. V. Neophytes in the structure of radical Islam. *Information Wars=Informacionnye vojny*. 2015;4(36):94–99. (In Russ.)].
64. Стародубровская И. В. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17, № 1. С. 39–56. DOI [10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56](https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56). EDN [YOWMMF](https://www.edn.ru/YOWMMF). [Starodubrovskaya I. V. The crisis of the traditional North Caucasian family in the post-Soviet period and its social consequences. *Journal of Social Policy Research=Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*. 2019;17(1):39–56. (In Russ.). DOI [10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56](https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56)].
65. Интернет-механизмы вовлечения в экстремистские сообщества / Ю. Р. Тагильцева, И. В. Воробьева, О. В. Кружкова [и др.] // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 1. С. 189–218. DOI [10.21702/rpj.2019.1.9](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.9). EDN [ZYUSTS](https://www.edn.ru/ZYUSTS). [Tagiltseva Y. R., Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V. [et al.] Internet mechanisms of involvement in extremist communities. *Russian Psychological Journal=Rossiiskij psihologicheskij zhurnal*. 2019;16(1):189–218. (In Russ.). DOI [10.21702/rpj.2019.1.9](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.9)].
66. Тихонов В. В. «Революция повторяется!» (Образ Революции 1917 года в эпоху перестройки) // Новое прошлое. 2016. № 2. С. 205–216. EDN [WGHTRX](https://www.edn.ru/WGHTRX). [Tikhonov V. V. “The Revolution is repeating itself!” (Image of the Revolution of 1917 in the era of perestroika). *The New Past=Novoe proshloe*. 2016;(2):205–216. (In Russ.)].
67. Усманов И. М. Исламская радикализация осуждённых к лишению свободы — миф или реальность? // Право и безопасность. 2014. № 2. С. 52–55. EDN [TBIZLP](https://www.edn.ru/TBIZLP). [Usmanov I. M. Islamic radicalization of prisoners sentenced to imprisonment — myth or reality?. *Law and Security=Pravo I bezopasnost'*. 2014;(2):52–55. (In Russ.)].
68. Фитуни Л. Л., Абрамова И. О. Феномен «восточного общества» в современной Европе: парадигмы, вызовы, прогнозы // Современная Европа. 2017. № 4 (76). С. 5–16. EDN [ZULYQX](https://www.edn.ru/ZULYQX). [Fituni L. L., Abramova I. O. The phenomenon of “Eastern society” in modern Europe: paradigms, challenges, forecasts. *Modern Europe=Sovremennaya Evropa*. 2017;(4):5–16. (In Russ.)].

69. Лощаков Д. Г. Радикализация молодёжи в современном российском обществе и её факторы // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6. С. 35–39. EDN [UJVCIJ](#). [Loshchakov D. G. Radicalization of youth in modern Russian society and its factors. *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia=Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii*. 2015;(6):35–39. (In Russ.)].
70. Изучение процесса онлайн-радикализации молодёжи в социальных медиа (междисциплинарный подход) / А. Ю. Карпова, А. О. Савельев, А. Д. Вильнин, Д. В. Чайковский // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 159–181. DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1585](#). EDN [CXJJUW](#). [Karpova A. Y., Savelev A. O., Vilnin A. D., Chaykovskiy D. V. Studying online radicalization of youth through social media (interdisciplinary approach). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2020;(3):159–181. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1585](#)].
71. Радикализация в подростково-молодёжной среде: в поисках объяснительной схемы / А. Д. Тихонова, Н. В. Дворянчиков, А. Эрнст-Винтила, И. Б. Бовина // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13, № 3. С. 32–40. DOI [10.17759/chp.2017130305](#). EDN [ZHAVXX](#). [Tikhonova A. D., Dvoryanchikov N. V., Ernst-Vintila A., Bovina I. B. Radicalization in the adolescent-youth environment: in search of an explanatory scheme. *Cultural-Historical Psychology=Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*. 2017;13(3):32–40. (In Russ.). DOI [10.17759/chp.2017130305](#)].
72. Правовые основы противодействия кибертерроризму в России и за рубежом с позиции общественно-политического измерения / Г. П. Кулешова, Е. А. Капитонова, Г. Б. Романовский // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1. С. 156–165. DOI [10.17150/2500-4255.2020.14\(1\).156-165](#). EDN [GMWAWG](#). [Kuleshova G. P., Kapitonova E. A., Romanovsky G. B. Legal foundations of countering cyberterrorism in Russia and abroad from the position of socio-political dimension. *All-Russian Journal of Criminology=Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. 2020;14(1):156–165. (In Russ.). DOI [10.17150/2500-4255.2020.14\(1\).156-165](#)].
73. Курдина-Чэндлер С. Г. Радикальный институционализм и фейковая экономика в XXI веке // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9, № 4. С. 6–15. DOI [10.17835/2076-6297.2017.9.4.006-015](#). EDN [YMUSOJ](#). [Kirdina-Chandler S. G. Radical Institutionalism and Fake Economics in the 21st Century. *Journal of Institutional Research=ZHurnal institucional'nyh issledovaniy*. 2017;9(4):6–15. (In Russ.). DOI [10.17835/2076-6297.2017.9.4.006-015](#)].
74. Кучмезов Р. А. Синергетический эффект глобализации и его проявление в радикализации молодёжи // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, № 3. С. 60–63. EDN [EOFFSG](#). [Kuchmezov R. A. Synergetic effect of globalization and its manifestation in the radicalization of youth. *Gaps in Russian legislation=Probely v rossijskom zakonodatel'stve*. 2021;14(3):60–63. (In Russ.)].
75. Do Machines Replicate Humans? Toward a Unified Understanding of Radicalizing Content on the Open Social Web / M. Hall, M. Logan, G. S. Ligon, D. C. Derrick // *Policy & Internet*. 2019. Vol. 12, № 1. P. 109–138. DOI [10.1002/poi3.223](#).
76. Merton R. K. Sociological ambivalence and other essays. N. Y. : The Free Press, 1976. 287 p. ISBN 978-0029211205.

Сведения об авторах

А. Ю. Карпова

доктор социологических наук,
профессор
SPIN-код: 9274-2660

А. О. Савельев

кандидат технических наук,
доцент
SPIN-код: 7576-7564

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 22.03.2024; одобрена после рецензирования 08.07.2024;
принята к публикации 15.07.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.4

TRENDS IN THE DYNAMICS OF RADICALIZATION PHENOMENON RESEARCHES: SCIENTOMETRIC ANALYSIS

Anna Yurievna Karpova¹

Aleksei Olegovich Savelev²

^{1, 2} National Research Tomsk Polytechnic University

Tomsk, Russia,

¹ belts@tpu.ru,

ORCID 0000-0001-7854-1438

² sava@tpu.ru,

ORCID 0000-0002-7466-6142

For citation: Karpova A. Yu, Savelev A. O. Trends in the dynamics of radicalization phenomenon researches: scientometric analysis. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(3):76–107. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.4.

Abstract. In an attempt to explain “who, how and why comes to terrorism?”, the research hypothesis that radicalisation is a predictor of terrorism emerged at the beginning of the 21st century. From this moment, the formation of a new scientific research direction on the phenomenon of radicalisation began and dynamically developing interdisciplinary field of study in the second decade of the 21st century. The article presents the results of radicalisation research current state scientometric analysis the in the Russian and foreign research field, identifies trends and directions, outlines the opportunities and limitations of the development of scientific direction in Russia. The choice of the time period for the analysis (2014–2023) is due to the fact that the second decade of radicalisation research is the most active and productive. In Russia, radicalisation

studies appeared only in this period. Based on the results of quantitative and qualitative analysis of Russian and foreign publications, the specific characteristics of the research current state are outlined. The key conclusion is that in the study of radicalisation, Russian researchers lag behind by at least a decade, the reasons for the lag and opportunities for the development of scientific direction in Russia are outlined.

Keywords: radicalization, extremism, terrorism, youth, media, Internet, social networks, data mining

Acknowledgments: the study is funded by the Science State Program as part of the project No FSWW-2024-0023.

Information about the Authors

A. Yu. Karpova

Doctor of Sociology,
Professor

ResearcherID: [R-4472-2016](#)

Scopus AuthorID: [57195979782](#)

A. O. Savelev

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor

ResearcherID: [E-9905-2017](#)

Scopus AuthorID: [57221834098](#)

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 22.03.2024; approved after reviewing 08.07.2024; accepted for publication 15.07.2024.